

*Научная статья**Научная специальность**5.1.4 «Уголовно-правовые науки»*

УДК 343.3/.7

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.2.75>

ФЕЙКИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИСКРЕДИТАЦИИ АРМИИ И ДЕСТРУКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВО: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

© **Закомолдин Р. В.¹, Агапов П. В.¹, Дулькина Л. В.², 2024**¹ Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Россия² Прокуратура Чукотского автономного округа, г. Анадырь, Россия

Анализируется фейкинг как один из инструментов посягательства на государственную, общественную и военную безопасность. Отмечается, что при помощи фейков организуется дезинформация общества, обеспечивается деструктивное воздействие на общественное сознание, формируется негативное общественное мнение. Анализ проводится на примере специальной военной операции и дискредитации в связи с этим деятельности Вооруженных Сил РФ, иных войск, воинских формирований и государственных органов. Отдельное внимание уделяется соответствующим преступным деяниям, предусмотренным ст. 207, 207¹, 207², 207³, 280³, 284¹, 284², 330¹, 354¹ УК РФ. В целом констатируется, что в данном контексте уже можно вести речь о новой форме преступности и необходимости противодействия ей.

Ключевые слова: фейкинг, дискредитация, дезинформация, деструктивное воздействие, информационная безопасность, киберпропаганда, ложная информация, недостоверная информация, специальная военная операция, Вооруженные Силы РФ.

FAKING AS A TOOL TO DISCREDIT THE ARMY AND HAVE A DESTRUCTIVE IMPACT ON SOCIETY: THE CRIMINAL LAW ASPECT

© **Zakomoldin R. V.¹, Agapov P. V.¹, Dulkina L. V.², 2024**¹ University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation² Prosecutor's Office of the Chukotka Autonomous Okrug, Anadyr, Russian Federation

The article analyzes faking as one of the tools of encroachment on state, public and military security. It is noted that with the help of fakes, misinformation of society is organized, destructive effects on public consciousness are ensured, and negative public opinion is formed. The analysis is carried out on the example of a special military operation and the discrediting in this regard of the activities of the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and government agencies. Special attention is paid to the relevant criminal acts provided for in the articles 207, 207.1, 207.2, 207.3, 280.3, 284.1, 284.2, 330.1, 354.1 The Criminal Code OF the Russian Federation. In general, it is stated that in this context it is already possible to talk about a new form of crime and the need to counter it.

Keywords: faking, discrediting, disinformation, destructive impact, information security, cyber propaganda, false information, unreliable information, special military operation, Armed Forces of the Russian Federation.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г.¹ закреплены национальные интересы и стратегические национальные приоритеты России, к которым в числе прочих отнесены защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны; поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности,

укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений. Данным нормативным правовым актом также признается актуальность развития безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

В настоящее время доминирующим приемом при осуществлении многочисленных попыток нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации стало использование

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства РФ. 2021. № 27 (чю 2). Ст. 5351.

ложной общественно значимой информации. Зачастую местом ее распространения является информационное пространство, где информационные технологии ускоряют и масштабируют объемы распространяемой информации, упрощая доступ к ней большего количества людей. Интернет-сайты, форумы, социальные сети, мессенджеры и прочие технологии являются мощным информационным ресурсом, используемым с целью активизировать деструктивные процессы внутри общества.

У этого явления много форм и имен: дезинформирование, киберпропаганда, когнитивный взлом, информационная война. Но это лишь отдельные проявления более серьезной проблемы – манипулирования общественным мнением с целью воздействия на реальные обстоятельства. Как прямое следствие этих процессов неуклонно усиливается враждебное и агрессивное информационно-психологическое воздействие на российское общество. По сути, это информационно-психологическая война – форма межгосударственного информационного конфликта, направленная на достижение определенной политической цели или принятие определенного политического решения через медиаманипулирование индивидуальным и массовым сознанием и подсознанием либо непосредственно через информационное давление на лиц, принимающих государственные решения. Этот информационный конфликт сам по себе подразумевает масштабное и открытое применение средств массовой информации и коммуникации с целью изменения отношения общества по той или иной государственной или международной проблеме либо для принятия объектом воздействия решения, которое будет выгодно субъекту такого воздействия [1].

Проблема активного распространения заведомо ложной информации имеет социальную обусловленность. Дезинформация признается одним из ведущих инструментов информационной войны, в целях которой применяются соответствующие информационные технологии, средства и методы ее ведения.

Одним из средств выражения недостоверной информации служит современный феномен медийного пространства – фейковые новости (от англ. fake – подделка, что-либо ложное, сфальсифицированное, выдаваемое за действительное).

Фейкинг – это целенаправленное использование специально сфабрикованных новостей, главной целью которых является дискредитация, подрыв репутации какого-либо института,

организации или персоны с целью получения от этого выгоды: политической или финансовой.

Распространение фейковой информации является одним из самых эффективных инструментов ведения информационных (информационно-психологических) войн современности. Неконтролируемое распространение такой информации через традиционные и новые медиа создает явную и непосредственную угрозу «ментальной безопасности» личности и всего социума в информационном пространстве [3; 6].

Так, в течение только одной недели с начала специальной военной операции (далее – СВО) в СМИ и интернете появилось более 1,3 млн публикаций и сообщений, содержащих заведомо ложные сведения относительно деятельности Вооруженных Сил РФ на Украине и в Донбассе. В дальнейшем количество фейков, так или иначе связанных с проведением СВО, неуклонно увеличивалось. Лавинообразное распространение дискредитирующей информации о действиях Вооруженных Сил РФ на территории Украины серьезным образом не только подрывает авторитет государственной власти, но и вызывает общественный резонанс. Такой резонанс уже выразился, например, в проведении весной 2023 г. различного рода несанкционированных публичных акций, направленных против политики руководства страны и сопряженных с выдвижением призывов о прекращении специальной военной операции. Львиная доля ложных новостей о ходе СВО приходится на информацию о «количестве потерь Вооруженных Сил РФ, массовых обстрелах гражданских объектов, жестоком обращении с украинскими военнопленными». Достаточно вспомнить, какой резонанс во всем мире вызвали постановочная информация о «кровавой бойне» гражданского населения в Буче или лживые сообщения о разрушении объектов на Запорожской АЭС «в результате ударов российской армии». Такого рода фейки способны «взорвать общественное спокойствие» и привести к «самым непредсказуемым и тяжким последствиям» [9, с. 379].

В свою очередь, глобальный характер интернета обеспечивает возможность ознакомления с фейками практически любому жителю планеты. Это ведет к эскалации напряженности в международных отношениях и формированию негативного отношения к действиям российских военных в рамках проводимой операции со стороны мирового сообщества [2].

При этом вбрасываемая фейковая информация активно используется и отдельными рос-

сийскими СМИ, что в еще большей мере может способствовать достижению поставленной цели деморализовать общество и подорвать доверие к российским силовым структурам.

По существу, сложившаяся ситуация стала представлять реальную угрозу фундаментальным основам государственной, общественной и военной (оборонной) безопасности России.

На законодательном уровне был принят ряд мер по недопущению роста противоправных деяний в анализируемой сфере.

Так, введена уголовная ответственность за совершение ряда преступлений, связанных с использованием заведомо ложной информации, которая может повлечь нанесение ущерба национальным интересам России. Это составы преступлений, предусмотренные ст. 207, 207¹, 207², 207³, 280³, 284¹, 284², 330¹, 354¹ УК РФ¹.

Решая вопрос о необходимости криминализации данных преступных деяний, законодатель справедливо признал их общественно опасными и требующими закрепления соответствующего уголовно-правового запрета.

Безусловно, в данном контексте важно недопущение избыточного ограничения уровня свободы слова и свободы личности. В связи с этим от правоприменителя требуется подходить взвешенно к созданию текстов сообщений в каждом конкретном случае, устанавливать и оценивать все фактические обстоятельства содеянного, степень его общественной опасности.

Так, например, криминализация деяния, предусмотренного ст. 207³ УК РФ, стала ответным, вынужденным шагом государства по защите общества от чрезвычайно опасных информационно-угроз, потенциально способных причинить самый серьезный вред основам общественной стабильности и безопасности. Недаром многие авторы высказались о «вынужденном, но необходимом» шаге законодателя в сложившейся геополитической ситуации [5, с. 65; 7, с. 46].

Публичный характер распространения фейковой информации

Статья 207³ УК РФ устанавливает ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженными Силами РФ и государственными органами России своих полномочий, а также об оказании добровольческими формированиями, организациями или отдельными лицами

содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ.

Как показывает складывающаяся судебная практика, значительное количество актов публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ и о деятельности государственных органов России как раз совершается по мотиву политической и/или идеологической ненависти либо вражды². Формулировки об экстремистской мотивации распространителей фейковой информации широко применяются в складывающейся судебной практике³.

Суды справедливо исходят из того, что распространение заведомо ложной информации, особенно по экстремистскому мотиву (составной частью которого является мотив политической ненависти и вражды), нельзя оправдать ссылкой на свободу слова [4].

Таким образом, публичное распространение фейковой информации об использовании Вооруженных Сил РФ и деятельности государственных органов России, по своему существу, зачастую является разновидностью запрещенной пропаганды, направленной на возбуждение социальной ненависти и вражды (ч. 2 ст. 29 Конституции РФ⁴). На этом основании появление ст. 207³ УК РФ является обоснованным формально-юридическим «инструментом» защиты основ общественной безопасности от вредоносного информационного воздействия и не может расцениваться как «инструмент подавления» свободы слова.

Признак ложности фейковой информации

При оценке ложного характера распространяемой информации для целей ст. 207³ УК РФ полностью применимы положения п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридиче-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См., напр.: Приговор Тимирязевского районного суда г. Москвы по делу № 01-105/2023 от 30 марта 2023 г. (уникальный идентификатор 77RS0028-02-2022-012678-24) (дата обращения: 31.08.2023).

³ См., напр. приговоры Басманного районного суда г. Москвы по делу № 01-0152/2023 от 01.02.2023 (уникальный идентификатор 77RS0002-02-2022-024264-12); Мещанского районного суда г. Москвы по делу № 01-1300/2022 от 9 дек. 2022 г. (уникальный идентификатор 77RS0016-02-2022-030648-03); Московского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 1-78/2023 от 29.03.2023 (уникальный идентификатор 78RS0014-01-2022-012204-79) (дата обращения: 31.08.2023).

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 26.03.2024).

ских лиц»¹. Согласно позиции высшей судебной инстанции, «не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности».

Данное определение было развито Верховным Судом РФ в Обзоре № 2 по вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19)². Согласно этому документу под «ложной» понимается информация (сведения, сообщения, данные и т. п.), которая «изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему». При этом распространение заведомо ложной информации должно совершаться под видом достоверной. Как указала высшая судебная инстанция, о придании ложной информации вида достоверной «могут свидетельствовать, например, формы, способы ее изложения (ссылки на компетентные источники, высказывания публичных лиц и пр.), использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям».

Эти предписания в полной мере применимы для установления ложного характера распространяемой информации об использовании Вооруженных Сил РФ и исполнении государственными органами России своих полномочий в силу буквального совпадения соответствующих положений о признаках ложности распространяемой информации в ст. 207³ УК РФ.

С появлением ст. 207³ УК РФ правоприменитель при установлении ложного характера распространяемой информации также начал сверять ее с официальной позицией. Но вскоре этот процесс перешел на новый универсальный уровень.

Первые общедокументальные официальные рекомендации по установлению критериев определения ложности распространяемой информации применительно к ст. 207³ УК РФ (а именно к использованию Вооруженных Сил РФ) были

сформулированы в методических рекомендациях Федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России³. В методичке разъяснено, что юридически значимыми являются высказывания (сообщения), в которых «информация выражена в форме утверждения о фактах и событиях, поскольку такой способ подачи информации позволит правоприменителю установить ее ложность либо достоверность». В связи с тем, что ложная информация распространяется под видом достоверной, методические рекомендации указывают на необходимость устанавливать «форму, способ изложения информации... использование поддельных документов, видео- и аудиозаписей либо документов и записей, имеющих отношение к другим событиям».

На основе этих рекомендаций начала формироваться позиция, согласно которой установление ложного характера распространяемых сведений об использовании Вооруженных Сил и/или деятельности государственных органов России имеет определенную специфику. Эта особенность изначально имеет «военно-политический и социально-психологический характер», обусловленный самой сущностью уголовно-правового запрета на распространение фейковой информации. Поэтому «единственным ориентиром» определения ложности распространяемой информации является ее соответствие официальной позиции Минобороны РФ и иных федеральных министерств и ведомств.

В приговорах по ст. 207³ УК РФ ложный характер распространяемых сведений связывается с их несоответствием содержанию официальных брифингов Минобороны РФ. Тексты таких брифингов регулярно публикуются на сайте Минобороны РФ, а наибольшую «востребованность» в судебной практике получили следующие официальные опровержения Минобороны РФ:

- 1) о «резне» гражданского населения в г. Буча Киевской области;
- 2) о целенаправленных обстрелах российской стороной жилых массивов и гражданских объектов украинских городов, в частности Киева, Одессы, Харькова;
- 3) об умышленном нанесении авиаракетных ударов по гражданской инфраструктуре г. Мариуполя и разрушении в нем родильного дома.

¹ О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февр. 2005 г. № 3 // Рос. газ. 2005. 15 марта.

² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) от 30 апреля 2020 г. № 2. URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/28882/> (дата обращения: 31.08.2023).

³ Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации: методическое письмо : утв. Научно-методическим советом ФБУ РФЦО при Минюсте России 17 июня 2022 г. // Гарант : справочная правовая система

В силу прямого указания ст. 207³ УК РФ, для правильного применения этой нормы должна быть установлена «целевая связь», т. е. связь распространяемых ложных сведений с использованием Вооруженных Сил РФ либо с зарубежной деятельностью государственных органов Российской Федерации. Такая целевая связь законодательно связана с «защитой интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержанием международного мира и безопасности».

В судебной практике устоялась позиция о том, что виновные, как правило, отрицают наличие «целевой связи» при использовании Вооруженных Сил РФ (исполнении госорганами РФ своих полномочий). То есть сам факт использования Вооруженных Сил РФ, например, в СВО трактуется виновными с одновременным отрицанием ими «целевой связи» с защитой интересов России, российских граждан и поддержанием международного мира и безопасности. Подобного рода отрицание фиксируется в подавляющем большинстве вынесенных приговоров по ст. 207³ УК РФ¹.

Таким образом, именно «целевая связь» является выражением специализации ст. 207³ УК РФ по отношению к публичной «общеуголовной» клевете, предусмотренной в ч. 2 ст. 128¹ УК РФ, даже в случаях, когда конкретизированным адресатом публичного распространения заведомо ложной информации являются Вооруженные Силы и/или государственные органы Российской Федерации. В данном случае они могут быть расценены в качестве круга индивидуально не определенных лиц.

Ложность как основное «юридическое качество» распространяемой информации может быть отнесена к трем «блокам сведений»:

- 1) цели использования Вооруженных Сил РФ и исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий;
- 2) применению Вооруженными Силами РФ запрещенных средств и методов военных действий в ходе специальной военной операции;
- 3) потерям Вооруженных Сил РФ в ходе проведения специальной военной операции.

Первый содержательный блок касается определения и оценки целей использования Вооруженных Сил РФ и исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий.

¹ См., напр.: Приговор Майкопского городского суда Республики Адыгея по уголовному делу № 1-634/2022 от 21.09.2022 (уникальный идентификатор 01RS0004-01-2022-006859-42) (дата обращения: 31.08.2023).

Например, в приговоре по «делу Горинова» сказано, что виновный 15 марта 2022 г. при осуждении повестки дня заседания Совета депутатов муниципального округа Красносельский г. Москвы охарактеризовал действия Вооруженных Сил РФ в ходе проведения специальной военной операции как «преступные, захватнические, связанные с убийством мирных жителей, детей». Отрицая цели специальной военной операции (т. е. «защиту людей, проживающих на территории ДНР и ЛНР, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны Киевского режима, путем демилитаризации и денацификации Украины»), он в ходе публичного выступления заявил: о «ведении Российской Федерации на территории иного суверенного государства военных агрессивных действий», «войны»; о направлении Вооруженных Сил РФ на территорию Украины «с целью захвата ее территории, ликвидации ее независимости, изменения ее политического или общественного строя»; о том, что действия Вооруженных Сил РФ на территории Украины «как элемент системы государственной власти являются действиями “фашистского государства”»².

Второй содержательный блок касается применения Вооруженными Силами РФ запрещенных средств и методов военных действий в ходе специальной военной операции. Здесь фейковая информация бывает следующих разновидностей: сообщения о «целенаправленных зверствах» российских военных; утверждения о стремлении «уничтожить как можно больше украинцев»; информация о применении в отношении мирного населения городов и сел оружия неизбирательного действия. Пожалуй, это самая «популярная» фейковая информация, зафиксированная в большинстве вынесенных по ст. 207³ УК РФ судебных решений (приговоры по «делу Красильщика», «делу Мишина», «делу Невзорова» и др.).

Среди сообщений о «конкретных зверствах» Вооруженных Сил РФ, бесспорно, первое место занимает распространение фейковой информации о «кровавой резне» в г. Буча Киевской области, якобы учиненной уходившими российскими военнослужащими, что официально опровергнуто Минобороны РФ.

Третий содержательный блок – о потерях российской армии. Как и следовало ожидать, в распространяемых фейках потери личного со-

² Приговор Мещанского районного суда г. Москвы по уголовному делу № 1-719/2022 от 08.07.2022 (уникальный идентификатор 77RS0016-02-2022-014619-75) (дата обращения: 31.08.2023).

става и боевой техники Вооруженных Сил РФ значительно преувеличиваются.

Заведомость как признак распространения фейковой информации

Обязательным критерием выступает также заведомость знания лица о ложном характере распространяемой информации.

Признак заведомости означает, что лицо однозначно осознает ложный характер информации, при этом такое осознание имеет место до начала распространения сведений. Отсутствие такого осознания исключает виновность в совершении деяния со всеми юридическими последствиями.

Однако в условиях информационной войны вполне допустима ситуация, когда люди получают самые противоречивые сведения о том или ином фактическом обстоятельстве. Они могут быть введены в заблуждение целенаправленно, также они могут ошибиться в надежности первоисточника сведений. В конце концов пропаганда противоборствующей стороны тоже может достичь определенного «успеха», убедив некоторых граждан в правильности их интерпретации тех или иных событий. То есть возможно добросовестное заблуждение.

Соответственно, правила относительно исключения уголовной ответственности за распространение объективно ложных сведений при отсутствии осознания их истинного характера, а также при добросовестном заблуждении лица об истинности/ложности таких сведений вполне применимы и при юридической оценке содеянного по ст. 207³ УК РФ.

Однако установление признака заведомости в рассматриваемом преступлении имеет свои особенности. Как показал анализ уголовных дел, суды практически всякий раз выясняли наличие знания виновного официальной информации относительно целей и хода СВО. В случаях, когда лицо распространяло те или иные сведения об использовании Вооруженных Сил РФ, официально опровергнутые впоследствии, установлению подлежал фактор времени распространения такой информации. Говоря иными словами, если сведения, официально опровергнутые как ложные, были распространены лицом после такого опровержения, заведомое знание об их «ложности» обычно считалось доказанным.

В последующем практика установления признака заведомости знания о ложном характере распространяемой информации об исполь-

зовании Вооруженных Сил РФ или исполнении госорганами РФ своих полномочий пошла именно по этому пути. Суды, вынося приговоры по ст. 207³ УК РФ, начали исходить из того обстоятельства, что каждый российский гражданин знает (или, по крайней мере, должен знать) официальную позицию Минобороны РФ либо политического руководства государства относительно целей и проведения СВО.

Административная преюдиция при распространении фейковой информации

Введение специального административно-правового режима, связанного с проведением специальной военной операции, обусловило необходимость дополнения законодательства нормами, устанавливающими ответственность, в частности, за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ или исполнения государственных органами Российской Федерации своих полномочий в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска Росгвардии. Синхронное дополнение КоАП РФ и УК РФ соответствующими нормами позволило привлекать виновных лиц к административной ответственности (ст. 20.3³ КоАП РФ), а в случае повторного (в течение одного года) совершения аналогичного противоправного деяния – к уголовной.

Следует отметить, что правильная квалификация рассматриваемых противоправных деяний и своевременное привлечение виновных лиц к административной ответственности имеет особое значение, поскольку является обязательным условием наступления уголовной ответственности.

Если размещение противоправной информации имело место до начала течения срока, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию за предыдущее аналогичное правонарушение, новый выявленный эпизод противоправной активности, полагаем, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 280³ УК РФ (публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопас-

ности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ или войска Росгвардии).

Приказом Генерального прокурора РФ от 26 августа 2019 г. № 596 утверждена Инструкция о порядке рассмотрения уведомлений и заявлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет¹ (далее – Инструкция).

Так, поступление из органов предварительного расследования и иных уполномоченных органов сведений о возбуждении уголовного дела по ст. 280³ УК РФ или дела об административном правонарушении по ст. 20.3³ КоАП РФ, связанных с распространением в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, информации с нарушением закона, является основанием для соответствующей проверки информационного ресурса. В случае обнаружения такой информации и ее неудаления незамедлительно либо не позднее одного рабочего дня с момента поступления уведомления материалы вместе с заключением о принятии мер по удалению информации или ограничению доступа к информационным ресурсам направляются в управление по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействию экстремизму и терроризму Генеральной прокуратуры РФ (военные прокуроры – в Главную военную прокуратуру). При наличии оснований обеспечивается подготовка требований в Роскомнадзор о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию².

Следует отметить, что в связи с динамично развивающимся законодательством указанная инструкция уже требует некоторой актуализации.

Таким образом, следует констатировать, что сегодня мы имеем дело с появлением новой формы преступности, которая угрожает государственной, общественной и военной (оборон-

ной) безопасности страны в связи с распространением не соответствующей действительности информации, в результате использования которой целенаправленно причиняется ущерб национальным интересам России. Данная форма преступности уже приобрела вполне заметные очертания и структуру, характеризуется вполне определенным состоянием. В связи с этим необходимо ее изучение, направленное на выработку уголовно-правовых и криминологических мер противодействия этому негативному явлению новой действительности [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борхсениус А. В. Дезинформация как технология информационно-психологических войн. Фейк и антифейк // Вопросы политологии. 2016. № 2. С. 226–227.
2. Бугера Н. Н., Лихолетов А. А., Лихолетов Е. А. Публичное распространение заведомо ложной информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации: некоторые вопросы толкования уголовного закона // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2. С. 25–30.
3. Буткевич С. А. Фейк-ньюз и медиа: проблемы дифференциации и пенализации // Юрист-правовед. 2021. № 2. С. 74–79.
4. Дулькина Л. В. Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ и исполнении государственными органами РФ своих полномочий: складывающаяся практика применения ст. 207.3 УК РФ // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 3(57). С. 20–24.
5. Жук О. Д. Об уголовной и административной ответственности за распространение фейков о действиях Вооруженных Сил РФ и за публичные призывы к введению санкций против России // Законодательство. 2022. № 4. С. 65–70.
6. Иоселиани А. Д., Зайцева А. А. Фейк-новости как инструмент социального влияния // Самоуправление. 2023. № 2. С. 593–596.
7. Кашин В. С., Бычков В. В. Особенности квалификации публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий (ст. 207.3 УК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 4. С. 46–51.
8. Меркурьев В. В. О научных подходах к противодействию использованию заведомо ложной информации для нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации // Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности: научные основы противодействия (Долговские чтения) : сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. Москва, 24–25 марта 2022 г. / науч. ред. В. В. Меркурьева, Ю. А. Тимошенко ; Ун-т прокуратуры РФ. М., 2022. С. 292–312.
9. Степанов-Егиянц В. Г., Абазехова З. И. К вопросу о криминализации распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3. С. 378–380.

REFERENCES

1. Borhsenius A.V. Dezinformaciya kak tehnologiya informacii i psihologicheskikh vojn. Fejk i antifejk [Disinformation as a technology of information and psychological warfare. Fake and anti-fake]. *Voprosy politologii* [Questions of political science], 2016, no. 2, pp. 226–227. (in Russian)
2. Bugera N.N., Liholetov A.A., Liholetov E.A. Publichnoe rasprostranenie zavedomo lozhnoj informacii o deyatelnosti Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii: nekotorye voprosy tolkovaniya

¹ Инструкция о порядке рассмотрения уведомлений и заявлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет»: утв. Приказом Генерального прокурора РФ от 26 авг. 2019 г. № 596 // Законность. 2019. № 10.

² О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций : постановление Правительства РФ от 16 марта 2009 г. № 228 // Собр. законодательства РФ. 2009. № 12. Ст. 1431.

ugolovnogogo zakona [Public dissemination of deliberately false information about the activities of the Armed Forces of the Russian Federation: some issues of interpretation of the criminal law]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 2, pp. 25-30. (in Russian)

3. Butkevich S.A. Fejk-nyuz i media: problemy differenciacii i penalizacii [Fake news and media: problems of differentiation and penalization]. *Yurist-pravoved* [Lawyer-jurist], 2021, no. 2, pp. 74-79. (in Russian)

4. Dul'kina L.V. Publichnoe rasprostranenie zavedomo lozhnoj informacii ob ispolzovanii Vooruzhenny'x Sil RF i ispolnenii gosudarstvenny'x mi organami RF svoix polnomochij: sklady' vayushhaya praktika primeneniya st. 207.3 UK RF [Public dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation and the execution of their powers by state bodies of the Russian Federation: the emerging practice of applying Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 3, pp. 20-24. (in Russian)

5. Zhuk O.D. Ob ugolovnoj i administrativnoj otvetstvennosti za rasprostranenie fejkov o deystviyah Vooruzhennykh Sil RF i za publichnye prizvyvy k vvedeniyu sankcij protiv Rossii [On criminal and administrative liability for spreading fakes about the actions of the Armed Forces of the Russian Federation and for public calls for sanctions against Russia]. *Zakonodatelstvo* [Legislation], 2022, no. 4, pp. 65-70. (in Russian)

6. Ioseliani A.D., Zajceva A.A. Fejk-novosti kak instrument socialnogo vliyaniya [Fake news as a tool of social influence]. *Samoupravlenie* [Self-government], 2023, no. 2, pp. 593-596. (in Russian)

7. Kashin V.S., Bychkov V.V. Osobennosti kvalifikacii publichnogo rasprostraneniya zavedomo lozhnoj informacii ob ispolzovanii Vooruzhennykh Sil Rossijskoj Federacii, ispolnenii gosudarstvennymi organami Rossijskoj Federacii svoih polnomochij (st. 207.3 UK RF) [The specifics of the qualification of the public dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation, the performance by state bodies of the Russian Federation of their powers (Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii* [Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation], 2022, no. 4, pp. 46-51. (in Russian)

8. Merkurev V.V. O nauchnykh podhodah k protivodejstviyu ispolzovaniyu zavedomo lozhnoj informacii dlya naneseniya usherba nacionalnym interesam Rossijskoj Federacii [On scientific approaches to countering the use of deliberately false information to harm the national interests of the Russian Federation]. *Novye, povlyayushiesya i vidoizmenyayushiesya formy prestupnosti: nauchnye osnovy protivodejstviya (Dolgovskie chteniya)* [New, emerging and changing forms of crime: scientific foundations of counteraction (Dolgov readings)]. Proc. of the 2nd All-Russian Sci. and Pract. Conf. Moscow, March, 24-25, 2022. Eds. V.V. Merkureva, Yu.A. Timoshenko. Moscow, 2022, pp. 292-312. (in Russian)

9. Stepanov-Egiyanc V.G., Abazehova Z.I. K voprosu o kriminalizacii rasprostraneniya zavedomo lozhnoj informacii ob ispolzovanii Vooruzhennykh Sil RF [On the issue of criminalizing the dissemination of deliberately false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2022, no. 3, pp. 378-380. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 27.03.2024; одобрена после рецензирования 11.04.2024; принята к публикации 08.05.2024.

Received on 27.03.2024; approved on 11.04.2024; accepted for publication on 08.05.2024.

Закомолдин Руслан Валериевич – кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник НИИ, Университет прокуратуры Российской Федерации (Россия, 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15), ORCID: 0000-0002-8829-0211, РИНЦ AuthorID: 324593, e-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru

Zakomoldin Ruslan Valerievich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Researcher at the Research Institute, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (15, 2nd Zvenigorodskaya st., Moscow, 123022, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-8829-0211, RSCI AuthorID: 324593, e-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru

Агапов Павел Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ, Университет прокуратуры Российской Федерации (Россия, 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15), ORCID: 0000-0003-1836-1536, РИНЦ AuthorID: 254708, e-mail: kafedrap212@mail.ru

Agapov Pavel Valerievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Research Institute, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (15, 2nd Zvenigorodskaya st., Moscow, 123022, Russian Federation), ORCID: 0000-0003-1836-1536, RSCI AuthorID: 254708, e-mail: kafedrap212@mail.ru

Дулькина Людмила Васильевна – кандидат юридических наук, старший помощник прокурора, Прокуратура Чукотского автономного округа (Россия, 689000, г. Анадырь, ул. Отке, 29), ORCID: 0009-0002-1595-6534, РИНЦ AuthorID: 1247550, e-mail: ludmila090876@mail.ru

Dulkina Lyudmila Vasilyevna – Candidate of Juridical Sciences, Senior Assistant Prosecutor, Prosecutor's Office of the Chukotka Autonomous Okrug (29, Otke st., Anadyr, 689000, Russian Federation), ORCID: 0009-0002-1595-6534, RSCI AuthorID: 1247550, e-mail: ludmila090876@mail.ru

Вклад авторов

Закомолдин Руслан Валериевич – концепция исследования (формирование идеи), написание текста введения, основных результатов исследования, а также выводной части исследования.

Агапов Павел Валерьевич – концепция исследования (формирование идеи), написание текста введения, основных результатов исследования, а также выводной части исследования, утверждение окончательного варианта статьи.

Дулькина Людмила Васильевна – сбор и обработка теоретического и эмпирического материала, статистическая обработка данных, написание текста введения, основных результатов исследования, оформление окончательного варианта статьи.